

«Manfred». Иоганн Вольфганг Гёте

A dramatic poem by Lord Byron. 1817[1] Удивительное, живо меня тронувшее явление — трагедия Байрона «Манфред». Этот своеобразный талантливый поэт воспринял моего «Фауста» и, в состоянии ипохондрии, извлек из него особенную пищу. Он использовал мотивы моей трагедии, отвечающие его целям, своеобразно преобразив каждый из них; и именно поэтому я не могу достаточно надивиться его таланту. Переработка эта отличается такой цельностью, что можно было бы прочесть ряд в высшей степени интересных лекций о связи ее с прообразом, о ее сходстве с ним и отличительных особенностях, но при этом я не стану отрицать, что мы в конце концов начинаем тяготиться мрачным пылом бесконечно глубокого разочарования. Однако наша досада всюду сочетается с восхищением и уважением. Итак, мы находим в этой трагедии подлинную квинтэссенцию страстей и мыслей этого удивительнейшего, рожденного себе на муку таланта. Жизнь и творчество лорда Байрона почти не допускают справедливой и беспристрастной оценки. Он достаточно часто говорил о том, что его терзает; не раз изображал свои муки, и все же вряд ли кто-нибудь отнесется сочувственно к его бесконечной скорби, с которой он, постоянно в ней копаясь, так долго носитяся.

В сущности — это две женщины, призраки которых его постоянно преследуют. Они играют большую роль и в данном сочинении: одна — под именем Астарты, другая же, бесплотная, пребывающая вне времени, — только голос.

Об ужасном приключении, которое он пережил с первой, рассказывают следующее: будучи смелым, в высшей степени привлекательным молодым человеком, Байрон пользовался благосклонным вниманием одной флорентинской дамы; это стало известным супругу и побудило его убить свою жену. Но в ту же ночь нашли на улице труп убийцы. Хотя подозрения тогда не пали решительно ни на кого, лорд Байрон все же оставил Флоренцию и вот влачит за собою всю свою жизнь эти страшные призраки.

Это сказочное происшествие приобретает полную правдоподобность благодаря бесчисленным намекам, которые мы находим в его стихотворениях. Так, например, с величайшей жестокостью раскрывая свои душевные муки, он применяет к себе историю одного спартанского царя, которая сводится примерно к следующему: лакедемонский полководец Павзаний был увенчан славой за одержанную им крупную победу при Платее, но уже вскоре лишился любви греков из-за надменного упрямства, грубости и жестокости своего поведения, а затем утратил и доверие своих соотечественников за тайные сношения с врагом. Но этого мало, он взваливает на себя еще и тяжкую, кровавую вину, которая его преследует вплоть до позорной смерти. Командуя в Черном море союзным греческим флотом, он воспламеняется бешеной страстью к прекрасной византийской девушке. После долгой борьбы ему наконец удастся насильственно отнять ее у родителей; она должна прийти к нему ночью. Девушка стыдливо просит слуг погасить свет; они повинуются, и она, ощупью пробираясь в темноте, опрокидывает светильник. Павзаний просыпается. Коварный и подозрительный, он думает, что к нему забрался убийца, хватается за меч и убивает возлюбленную.

Ужасное воспоминание об этой сцене не покидает его никогда, призрак убитой преследует его повсюду, и тщетно он обращается за помощью к богам и жрецам — заклинателям духов.

Каким истерзанным сердцем должен обладать поэт, который отыскивает такое сказание в глубинах веков, усваивает его и им отягчает свой собственный трагический образ. Воспроизведенный ниже монолог, проникнутый разочарованием и негодованием, становится понятным лишь после сделанных нами разъяснений; мы рекомендуем его для замечательных упражнений всем любителям декламационного искусства. Это монолог Гамлета, значительно усиленный. Надо обладать немалым искусством, чтобы подчеркнуть все заключающееся в нем и в то же время сохранить ясность и последовательность связного целого. Впрочем, нетрудно будет заметить и то, что для выражения этой внутренней силы поэта требуется известная пылкость, даже эксцентричность исполнения.

М а н ф р е д

(один)

Игрушка Времени и Страха мы: Приходят дни, уходят; мы живем, Кляня здесь жизнь и умереть боясь. Среди всех дней, когда влачим ярмо.— Под игом роковым больное сердце То в скорби падает, то бьется в муке. Иль в радости, где агония — цель,— Среди всех дней, и прошлых и грядущих (Нет в жизни настоящих), мало есть — И меньше меры малой — дней, когда Душа не жаждет смерти... и дрожит Пред ней, как пред водой студеной, — пусть Та дрожь — на миг. Мне по моей науке Осталось вызвать мертвых, их спросить. В чем то, чем мы боимся быть, — ответ Суровейший: Могила, — так ничтожен. А если не ответят... Но ответ Волшебнице Ендора дал Пророк Умерший: и Спартанскому царю В ответ дух бдящий Византийской девы Судьбу предрек... он ту убил, не зная, Кого любил, и умер непрощенный, Хотя взывал он к Фриксию-Зевесу, И даже Психагогов аркадийских В Фигалии заставил умолять Тень грозную, чтобы смягчила гнев Иль месть определила... Был ответ Невнятен, но пророчество сбылось. О, не живи я, та, кого люблю, Теперь жила бы; не люби я, та, Кого люблю, была б теперь прекрасна, Была бы счастлива... дарила счастье... Что с нею... за мои грехи страдает... Иль то, о чем не смею мыслить... иль — Ничто. — Час близок, явится на зов... Но здесь, сейчас страшусь дерзання... Я не боялся духов созерцать, Ни злых, ни добрых... а теперь дрожу, И странный холод — в сердце. Но свершу И то, что ужасает, — поборов Страх человеческий. — Скоро ночь наступит.

Комментарии Напечатано в журнале «Об искусстве и древности» в 1820 году. С произведениями выдающегося английского поэта Джорджа Гордона лорда Байрона (1788–1824) Гете впервые познакомился в 1816 году и с тех пор с неизменным вниманием следил за его творчеством и деятельностью. Он считал его «представителем новейшего поэтического времени» и «величайшим талантом века» (Эккерману, 5 июля 1827 г.). Об ужасном приключении... — Романтические поэмы Байрона возбудили много толков; описанные в них события сплетники стали расписывать как автобиографические. Рассказанное здесь не имеет ничего общего с фактами биографии поэта. ...применяет к себе историю одного спартанского царя... — Имеется в виду рассказ о Павзании и Клеонике у Плутарха в жизнеописаниях Кимона и Лукулла. История, в сущности, к Байрону не относится.

А. Аникст

Примечания 1 «Манфред». Драматическая поэма лорда Байрона. 1817 (англ.).